

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ 2013/2014

Второй (окружной) этап 11 класс

1. Укажите литературный жанр. Ответ запишите одним словом.

...Просто вращая вот эту ручку, любой из вас производит до трех сонат в час. А с каким трудом давалось это вашим предкам. Они могли творить, только доведя себя до припадков «вдохновения» – неизвестная форма эпилепсии. И вот вам забавнейшая иллюстрация того, что у них получалось, – музыка Скрябина – двадцатый век. Этот черный ящик (на эстраде раздвинули занавес и там – их древнейший инструмент) – этот ящик они называли «рояльным» или «королевским», что лишний раз доказывает, насколько вся их музыка...

2. Представьте себе, что в некоторых литературных произведениях перепутались персонажи. Напишите небольшой диалог (10–20 реплик) между Пьером Безуховым из романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир» и Родионом Раскольниковым из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

При оценивании учитываются: знание текста, изобретательность, сохранение речевого своеобразия персонажей, понимание смысла художественного образа.

3. О ком идет речь в этом описании? Напишите имя, отчество и фамилию писателя.

Сын богатого помещика и немки, он носил чужую фамилию, был сослан в ссылку, закончил жизнь в эмиграции вместе с другом и соратником, с которым поклялся служить России; написал роман, по названию которого был сформулирован один из трех знаменитых «русских вопросов».

4. Внимательно прочитайте тексты. Проанализируйте **ОДИН ИЗ НИХ** (выполните ЛИБО вариант 1, ЛИБО вариант 2) письменно. Пишите связным текстом, внятно, красиво, свободно, выразительно. Объем Вашего текста – 5–6 страниц.

Вариант 1. Комплексный анализ стихотворного произведения.

Анна Ахматова (1889–1966)

* * *

Ещё весна таинственная млела,
Блуждал прозрачный ветер по горам
И озеро глубокое синело –
Крестителя нерукотворный храм.

Ты был испуган нашей первой встречей,
А я уже молилась о второй, –
И вот сегодня снова жаркий вечер...
Как низко солнце стало над горой...

Ты не со мной, но это не разлука,
Мне каждый миг – торжественная весть.
Я знаю, что в тебе такая мука,
Что ты не можешь слова произнести.

1917

Вариант 2. Комплексный анализ прозаического произведения.

Вячеслав Алексеевич Пьещух (р. 1946)

ПАУЧИХА

В большой деревне Столетове, на улице, которая почему-то называется Московская Горка, живет старушка Марья Ильинична Паукова, по прозвищу Паучиха, миниатюрное, согбенное существо с маленьким личиком и слезящимися глазами. Марья Ильинична старожил здешних мест и в некотором роде достопримечательность, поскольку ей, наверное, лет сто и она умеет порассказать. К тому же она еще и ругательная старушка, вечно наводящая критику на существующие порядки, что удивительно и вместе с тем не удивительно для пожилого человека, который к тому же сразу после войны был председателем колхоза «Памяти Ильича». Еще интересно то, что Паучиха до сих пор сама жнет, таскает воду, занимается в огороде, каждую субботу парится в баньке и не прочь выпить рюмочку за компанию. Про нее говорят: этой бабке износу нет.

Живет Марья Ильинична в большой и прочной избе с необычными резными наличниками, которые в конце сороковых годов наши стяжали у финнов по репарациям, перевезли во Ржевский район и таким образом отстроили несколько деревень. Изба Паучихи изнутри просторная, с высокими потолками, я как-то у нее был. Как войдешь в сени, так сразу в ноздри пахнет тяжелым крестьянским духом, по составу довольно сложным: затхло-кисло воняет старостью, кирзовыми сапогами, подгоревшим хлебом, кошками, потом, угаром и мерзлым луком. В сенях висит на гвоздиках бросовая одежда, преимущественно ватники и прорезиненные плащи, а в правом углу свалена горкой мертвая обувь, отдаленно напоминающая полотно Верещагина «Апофеоз войны», только еще более мрачного колорита (как выяснилось потом, Паучиха пережила четырех мужей). Далее следует кухонька, в которой стоит сломанный холодильник, забитый пустыми банками, кухонный стол, выкрашенный коричневой масляной краской, а на нем туюсок с котятками, раскрытый мешок с картошкой и дымчатая от грязи газовая плита. Из кухоньки попадаешь в довольно большую горницу, оклеенную разными обоями; здесь вас встречают круглый стол, накрытый плюшевой скатертью, массивная металлическая кровать с обнаженными спальными принадлежностями, пара деревянных откидных кресел, неведомо как залетевших сюда из какого-то кинозала, телевизор «Рекорд», стоящий на табуретке, и по подоконникам в чугунках комнатные цветы, которые производят тяжелый запах; по стенам висят – отрывной календарь, дешевый коврик, большой фотографический портрет женщины с выпученными глазами и почетная грамота в красном углу, там, где полагается быть иконе. Из этой горницы имеется ход в другую, но она всегда заперта на висячий замок, и что там держит Марья Ильинична, неизвестно, может быть, ничего. В тот раз, когда мне довелось быть гостем Паучихи, она усадила меня за стол, сама устроилась напротив в откидном кресле и сразу изобразила на лице настороженное внимание, какое обыкновенно появляется у председательствующего на каком-нибудь деловом собрании после того, как он спросит: «Вопросы есть?»

– Интересно, а сколько вам, Марья Ильинична, лет? – справился я у хозяйки, не думая ее обидеть таким вопросом.

– Да уж я и со счета сбилась, – уклончиво сказала она, и в этом ответе можно было при желании усмотреть некоторое кокетство.

– Ну а все-таки?

– Я так скажу... Когда еще мой покойный батюшка платил двенадцать целковых подушной подати, а солдаты носили смешные картузы, вроде перевернутого горшочка, - с тех пор я себя

и помню. У меня как раз старший брат в таком картузе вернулся с военной службы, так я и запомнила про него.

– В военной области я не специалист. Может быть, вы припомните еще какие-нибудь приметы...

– Ну, вот еще разве что... Когда я совсем маленькой девочкой была и меня только-только приставили нянькой к младшему брату Ваньке, у нас в деревне лужок делили, – вот тот, который сейчас находится сразу за магазином, – и при дележе случилась большая драка. У нас этот лужок каждый год на покос делили, а делалось это так... Собираются, значит, рано поутру всем миром, с бабами, детьми, стариками, и отправляются на лужок. Как придут, то сначала делятся на выти, то есть как бы на бригады по обоюдной симпатии, если по-современному говорить. Потом посылают стариков искать устья, такие отметины, которые остались от прошлогоднего дележа. Если найдут эти самые устья, то дело сладится просто, а если не найдут, то наши мужики разведут такую геометрию, что после водкой два дня отпиваются для поправления головы. Так вот первым делом режут лужок на еми, и не просто режут, а с толканием в грудки, с криками, с матерком, точно они клад по нечаянности нашли. Емей у нас всегда выходило четыре: две цветковых, самых лучших, одна болотная и одна – кусты. Потом шестами делят еми на половины, половины на четвертины, четвертины на косья и полукосья, а уж эти делятся по лаптям. Батюшка мой по мягкости характера все время попадал в завйтные души [как выяснилось впоследствии у писателя Златовратского, в вытях всегда было одинаковое число душ, и если при образовании вытей какой-то хозяин выпадал в остаток, то он назывался завйтным и доля нарезалась ему отдельно], и ему нарезали покос особо: кустиков чуть, болотца чуть, чуть от цветковой еми да еще рубль-целковый от мира, за то, что у него такая ангельская душа.

– Ну и когда же происходил этот раздел? – настороженно спросил я.

– Давай, Алексеич, будем соображать... Значит, в тот раз у нас приключилась большая драка, чего раньше за нашей деревней никогда не водилось, и я думаю, что дело было сразу же после воли. Ну и побоище наши мужики устроили, целый день дрались, как все белены объелись! Подерутся-подерутся, устанут, перекусят, и опять драться!

Я сказал:

– Позвольте! Если вы говорите «сразу же после воли», то, стало быть, имеется в виду тысяча восемьсот шестьдесят второй год?! Это что же получается: что вам сейчас как минимум сто сорок лет, ибо вы уже нянчили младшего брата Ваню?!

– Очень может быть, – сказала Марья Ильинична и вся заметно подобралась, точно этот невероятный возраст ее как-нибудь уличал. – Я столько всего повидала в жизни, что очень может быть, что мне сейчас идет сто сорок первый год. И дядя мой родной мне серпом мизинец отчинил за мелкое воровство, и в коллективизацию мы всей деревней в землянках жили, потому что нам в назидание прислали на постой полк кавалерии, и после войны, прости Господи, кошек я ела, и вот этими самыми руками повывела в нашем колхозе яблоневые сады.

Я спросил:

– Яблони-то тут при чем?

– А вот как правительство ввело безобразный налог на яблони и на мелкий рогатый скот, то стали мы всей деревней резать коз и корчевать яблоневые сады.

– Да, – сказал я, – не сладкая у вас была жизнь, это, как говорится, факт.

– Ну что ты, Алексеич, – тускло улыбнувшись, возразила мне Паучиха, – да распрекрасная была жизнь! Я четырех мужей пережила, с восемнадцатого года по двадцать седьмой проживала в барской усадьбе, как княгиня какая-нибудь, целым колхозом командовала, старший сын у меня полковник авиации, да еще у нас на селе всегда был реальный социализм!

– То есть? – не понял я.

– Ну как же: мужики у нас деньги пропивали мирские, общие – это раз; земля всегда принадлежала миру и в то же время как бы была ничья – это два; в-третьих, сколько на моей памяти наши деревенские ни корячились, обыкновенно к весне садились на лебеду. И при царе так было, и при советской власти так было, и при немцах, и опять при советской власти – ну как же не реальный социализм?.. Особенно весело жилось в коллективизацию, это мне показалось, наверное, потому, что я первую конфетку скушала в тридцать втором году. А при немцах я, прости Господи, попривыкла и к шоколаду. Так при них все осталось по-прежнему – и колхоз, и бригады, и трудодни, и план по мясу, – только прибавился шоколад. А потом пришли наши, и меня как бывшую ударницу назначили председателем колхоза «Памяти Ильича».

– И долго вы, Марья Ильинична, председательствовали? – спросил я.

– Неполных четыре года. В сорок седьмом, в июне, меня посадили за колдовство.

– То есть? – не понял я.

– Правильнее будет сказать – за то, что я предсказала сухое лето. Гляжу, комарья повылазило тьма-тьмушая, ну я и говорю нашим бабам: жди засухи, – потому что на этот случай есть дедовская примета.

– Так вы и предсказывать можете, – сказал я, искренне удивившись, – вот это да!

– Предсказания – это что... Я, если хочешь знать, могу по-настоящему колдовать.

– Ну, наколдуйте чего-нибудь...

– Чего конкретно?

– Ну, я не знаю... пускай сегодня вечером, например, вырубится электричество!..

– Это можно.

– Я вот только не пойму: если вы умеете колдовать, то чего вы не наколдуете нормальную урожайность?

Паучиха подумала-подумала и сказала:

– Сама не знаю.

Я полагаю, что это она слукавила, видимо, жизнь как категория представлялась ей настолько отлаженной, совершенной, что она считала предосудительным вмешиваться в естественный ход вещей.

А электричество в тот вечер, действительно, вырубилось на всей территории колхоза «Луч», и его не было две недели.

1980-е гг.